

«Блажен читающий и слушающий слова пророчества сего и соблюдающий написанное в нем, ибо время его близко»

— Иоанн (Джон), Откровение 1:3

Когда-то Джону очень нравились ракеты. Еще с детства его книжная полка ломилась от энциклопедий о космосе, а на его подоконнике стояла огромная модель Сатурна-5 — единственный предмет, с которого он удосуживался вовремя стирать пыль. Он прогуливал уроки математики, а потом за какой-то месяц наверстал годы школьной программы, чтобы научиться рассчитывать орбиты космических аппаратов. Он едва не плакал от счастья, когда, впервые в истории, Фалькон-9 остался твердо стоять на земле после отключения двигателей...

Примерно в десяти километрах к югу в темнеющее небо взмыла ракета, рядом с которой Фалькон-9 выглядел бы детской игрушкой; но Джон даже не поднял голову. Он, как ни в чем не бывало, продолжал копаться в куче обломков, время от времени вытаскивая из нее неопознаваемые предметы и бросая их в кузов легкого гусеничного грузовичка.

Конечно, если один стартовый комплекс запускает десятки ракет в день, даже самому преданному фанату может наскучить наблюдение за ними. Особенно бессмертному. С другой стороны, то же можно сказать и о стоящей неподалеку девушке, которая, тем не менее, смотрела в небо с интересом. Ее Джон уже заметил — то есть, он все-таки не был поглощен своим занятием настолько, чтобы игнорировать внешний мир.

Темнело. Грузовик Джона свернул свою солнечную панель за ненадобностью и подал хозяину сигнал «пора закругляться». Тот швырнул в кузов последнюю железку и закрыл его тентом, после чего обратился к незнакомой ему девушке.

— Это твой электролет стоит на берегу?

Та в это время фотографировала. Она поймала момент, когда солнце уже зашло для наземных наблюдателей, но еще освещало газовый шлейф, оставленный ракетой, создавая в небе красочный, сюрреалистичный узор.

— Совершенно верно, — ответила она, все еще глядя вверх.

— И ты здесь потому, что что-то в нем не работает?

Где-то над океаном сверкнула молния. Грома еще не было слышно, но гроза несомненно направлялась в их сторону.

— Оставаться на берегу на ночь я бы не рекомендовал. По многим причинам, — сказал Джон, взглянув в направлении океана.

Его собеседница задумчиво кивнула, собирая волосы, растрепанные порывом прохладного морского ветра.

Неподалеку в северо-западном направлении виднелись огни города. При небольшом увеличении можно было даже различить неоновую надпись «SpaceX» на самом высоком здании. Но что-то в расположении этих огней было не так: начинались они слишком высоко. Если присмотреться еще ближе, причина становилась яснее: освещенные здания

располагались на огромной платформе, поднятой над уровнем земли метров на шестьдесят. Наконец, у самой земли под платформой тоже мерцали слабые огни.

— Направляешься в нижний город? — спросила девушка, указав в направлении этой конструкции.

— Он в двадцати минутах отсюда, — кивнул Джон, — Нижний город гораздо шире верхнего, его просто не видно.

Полуоткрытая кабина грузовика имела два кресла, ни на одном из которых не было ручного управления — только сенсорный экран посередине. Его хозяин устроился на левом сиденье, после чего добавил:

— Да залезай, чего уж.

— Ты бы предложил это любому в такой же ситуации? — ехидно спросила девушка, уже подходя к машине.

— Не знаю, но ты потенциальный клиент, так что... — уклончиво ответил парень, отведя взгляд.

Попутчица наконец забралась на сиденье, и машина немедленно тронулась, поскрипывая гусеницами.

— Лилит, — представилась девушка, подняв ладонь с NFC-чипом, чтобы обменяться контактами и полезной информацией со спутником.

— Джон, — ответил тот, подняв свою ладонь в ответ.

— Я правильно понимаю, что ты собираешь мусор SpaceX?

— Ну да. То, что для космического корабля мусор, для нашей техники легко может оказаться полезным модулем даже без ремонта. Критерии качества разные.

— И давно ты этим занимаешься?

Джон ответил не сразу. Конечно, неоднозначность его прошлого заметна невооруженным глазом. Одни кибернетические модификации тела чего стоят — жителю нижнего города такие не заполучить, даже выиграв в лотерею. Но...

— С тех пор, как вылетел из SpaceX, — наконец проговорил он.

— По причине?..

По лицу Джона на долю секунды проскочила ухмылка, которая была бы уместна на лице японского летчика-камикадзе в момент успешного завершения миссии.

— Знаешь ведь, что такое парадокс Ферми? — спросил он.

— «Отсутствие видимых следов инопланетных цивилизаций», да.

— Хорошо. Так вот... Я занимался экономическим моделированием. Не секрет, что экономические модели в более крупном масштабе точнее — это как предсказание климата по сравнению с прогнозом погоды. И однажды я придумал самую крупномасштабную модель. За основу я взял определение жизни как силу, стремящуюся к

бесконечному росту. Чтобы поддерживать этот рост, рано или поздно любой жизни приходится выходить в космос и осваивать его ресурсы. А для этого требуются космические корабли и топливо. Но тут возникает интересная закономерность. Чем больше у тебя кораблей и топлива, тем дальше ты можешь улететь, тем больше ресурсов присвоить и тем больше новых кораблей построить. То есть, в случае конкуренции, малейшая разница в начальных ресурсах соперников будет экспоненциально нарастать, пока бóльшая их часть не будет захвачена кем-то одним.

— Очень похоже на реальную экономику задолго до космоса, — заметила Лилит.

— Да, но это скорее совпадение. Раньше такая закономерность была следствием правил, заложенных в систему. А теперь это закон природы.

— Пока твоя модель выглядит довольно занудно.

— Я как раз на самом интересном месте. Поскольку все ресурсы в модели материальны, они имеют массу. А значит, их можно собрать так много, чтобы они схлопнулись в черную дыру.

— Но это как-то глупо. Зачем собирать все свое имущество в одном месте?

— Потому что так его проще охранять. Лучше всего для этого подходит форма сферы.

— Но если *ты* смог это предсказать, то почему твой космический жлоб не сможет?

— Потому что каждый, кто повторит мои рассуждения, сам окажется на свалке, — развел руками Джон, — А если серьезно, то тут важно понять один принцип. Общество, Система — это самостоятельная единица. Она действует в соответствии со своим устройством, а не с желаниями отдельных людей. Люди могут быть сколь угодно умны и рациональны — они все равно будут делать глупости, потому что Система их за это вознаграждает. Более того, чем человек умнее, тем искуснее он будет доказывать, что король на самом деле не голый. С изменением климата была такая же история, и никаких уроков из нее мы не вынесли.

— А причем тут парадокс Ферми?

— Поскольку за основу я взял само определение жизни, модель применима не только к людям, но и к любой другой цивилизации. И это объясняет, почему мы их до сих пор не нашли.

— И за это тебя уволили?

— Не совсем. Меня *попросили* скрыть результаты. Забыть их, как страшный сон, и заняться чем-то более полезным. Но я отказался.

— Разве эти результаты как-то влияют на бизнес сегодня? Даже если предположить, что ты абсолютно прав, до катастрофы еще многие тысячи лет.

— А это не имеет значения. В модели есть точка невозврата. После нее будет поздно что-то менять. И так уж совпало, что мы проходим эту точку прямо сейчас.

— То есть, мы ничего не можем изменить?

— Мы — уже вряд ли. Какая-нибудь глобальная катастрофа еще может справиться... Но это уже обмен шила на мыло.

— Вот, значит, мы и вернулись к идее судьбы...

— В математике мы называем это «аттрактор».

Лилит невесело рассмеялась.

Солнце окончательно село, и дорога — или то, что гусеничный грузовик мог использовать в качестве дороги — скрылась во тьме. Автопилот поддерживал яркость фар на уровне, которого хватало для навигации ему, но не его пассажирам. Им оставалось лишь ждать.

Лилит искала что-то в интернете. Наконец, она начала читать:

— «Широко известен и очень важен тот факт, что истина зачастую совсем не такова, какой кажется. Например, на планете Земля люди всегда предполагали, что они разумнее дельфинов, потому что они придумали так много: колесо, Нью-Йорк, войны и т. д., а дельфины всегда только плескались в воде и развлекались. Дельфины же, напротив, всегда считали себя разумнее человека — причем, по той же самой причине»¹. По-твоему, кто прав?

— Я придумал свой ответ еще тогда, когда сам читал эту книгу. Люди.

— И почему?

— Если дельфин заболел, он умирает. Если родился с дефектом — тем более. И продолжительность жизни у них так себе. А у нас есть медицина и программируемые стволовые клетки. Одно это окупает все жертвы.

— А если из-за нарастания неравенства медицина останется доступна только элите, то все зря?

— Это маловероятно. Программируемые стволовые клетки уже есть у каждого, кто удосужился в них разобраться. Они же делятся сами, и из-за этого практически бесплатны. Я еще до их появления предсказывал, что если лекарство от старения и появится, то максимум через поколение оно будет доступно всем. Это ведь не ракеты, которые даже в идеальном случае используют тонны топлива и материалов, и из-за этого дорогие. Лечение организма сводится, по большей части, к его перепрограммированию. А для этого не нужно ничего, кроме программы.

— А еще лет пять назад люди старше тридцати желали друг другу одного лишь здоровья... Быстро же мы привыкаем к хорошему.

— Все хорошее дается ценой чего-то плохого. Впору уже задуматься, чем мы заплатили на этот раз.

— Ты бы не говорил этого, если бы уже не знал, чем, верно?

¹ Источник: Дуглас Адамс, «Автостопом по галактике».

— Ну, смотри... Тебе не показалось странным, что технология программируемых стволовых клеток пришла из космической отрасли, а продление жизни было лишь ее побочным эффектом?

— Еще со времен МКС известно, что в космосе старение ускоряется. Неудивительно, что средство от этого эффекта оказалось по совместительству и лекарством от старости.

— ...А также точкой невозврата в моей модели.

— Почему именно оно?

— Долететь до Марса мог еще Сатурн-5, вот только люди не могли пережить подобный перелет. Люди, а не ракеты всегда были узким местом в покорении космоса. Теперь, когда эта проблема решена...

— Мы все наконец умрем, — рассмеялась Лилит, — Я смотрю, ты все равно нашел способ убиться, несмотря на стволовые клетки. Думаешь, ты сможешь нести ответственность за все человечество?

— А у меня есть выбор? — пожал плечами Джон.

— Можешь плюнуть на цивилизацию и свалить куда подальше. Сначала на Марс, потом к Альфе Центавра, потом...

— На чем?

— Ну, там... Начни кампанию по строительству ковчега на кикстартере?

Джон промолчал. Спустя пару минут Лилит продолжила диалог:

— Но все-таки, во Вселенной должно было зародиться бесчисленное множество цивилизаций. Даже если вероятность каждой отдельно взятой жизни победить судьбу ничтожно мала, хоть одна должна была прорваться?

— Да, я понимаю, к чему ты клонишь. Закон больших чисел. «Ураган может случайным образом собрать космический корабль, пройдясь по свалке». Проблема в том, что у меня нет ни оценки вероятности, ни общего числа цивилизаций во Вселенной. Остается отталкиваться от того, что мы наблюдаем. То есть от того, что все они проиграли.

— А что ты рассчитывал бы наблюдать, если бы одна цивилизация победила?

— Если эта сверхвезучая цивилизация А понимает степень своей везучести, она должна также понимать, что за судьба ждет всех остальных. У нее должна быть фора в развитии по сравнению с соседями: в противном случае те уничтожили бы А ради собственной экспансии, как строительная бригада сметает муравейники на месте постройки дома. Если А потеряет эту фору, то любая не-А, опять же, сметет А. Поэтому ей надо как-то защищаться. Один из вариантов — выкосить всю инопланетную жизнь прежде, чем она успеет сделать то же самое. Но такими темпами А рискует сама скатиться к аттрактору, то есть первоначальный смысл всей затеи теряется. Остается вариант, предложенный еще Циолковским: «гипотеза зоопарка». То есть, цивилизация А наблюдает за всеми остальными, охраняет их от самих себя и чего-то ждет...

— Именно так.

Подобное замечание показалось Джону странным, и он повернул голову в сторону Лилит... Но вопрос так и застыл в его горле.

Никто иной, оказавшись в этот момент на дороге, не заметил бы подвоха. Грузовик продолжал месить грязь гусеницами, как ни в чем не бывало. Одному лишь Джону было позволено увидеть настоящее лицо его попутчика. Под маской Лилит скрывалась... Сущность, несопоставимо превосходящая не просто отдельного человека, но всех людей, когда-либо ходивших под солнцем, вместе взятых.

— *Готов узнать правду?*

Вопрос банальный и чисто символический. Сущность не пришла бы, если бы не была уверена в ответе заранее.

Она пассивно дрейфовала в пространстве, развернув свой поврежденный парус перпендикулярно лучам маленькой красной звезды. Зияющая дыра в четвертом сегменте полотна существенно снижала маневренность и болела, но не представляла опасности для жизни. Осталось лишь дожидаться, когда инерция принесет ее прямою к родной станции. Энергии на этой орбите было предостаточно, делать было нечего, и ее мозг, созданный природой для проведения астрономических расчетов, из чистого любопытства начал строить математические модели...

Джон находился в начале отсчета; в самом старом воспоминании Сущности, бережно пронесенном ей через миллионы лет, звезд и тел — моменте, когда она впервые смоделировала Черный аттрактор.

— Вот значит как... — прошептал про себя Джон, — Ошибался не я... Ошибался мир!

Вместить всю память Сущности в человеческий разум было, само собой, невозможно. Большая ее часть вообще представлялась ему белым шумом: это могли быть мысли, несовместимые с человеческим мозгом на уровне архитектуры, или рассуждения настолько сложные, что от их понимания людей еще отделяет бездонная эволюционная пропасть. С другой стороны, кое-что он мог понять вообще без усилий: чувства.

Сущность не смогла предотвратить гибель своей цивилизации; лишь пережить ее. Но тут же появилась новая проблема: выжившие, намеренно сбежавшие подальше от центра перед катастрофой, после нее сами становились центром новой цивилизации — и нового аттрактора, создавая замкнутый цикл. Даже те, кто собственными глазами видел конец предыдущего цикла, не могли сопротивляться искушению стать новыми правителями — и аттрактор забирал их. Все, кто был дорог Сущности, один за другим скрывались за горизонтом событий. Конечно, они делали это не по глупости. Каждый из них был уверен, что нашел способ победить судьбу, разорвать цикл. Но это делало их потерю только больнее.

Бесчисленное количество раз Сущность проклинала мироздание, но ее воля к жизни всегда оказывалась сильнее. Из каждого поражения она выносила урок — подобно тому, как первые конструкторы ракет изучали искореженные обломки своих творений и использовали эти наблюдения для создания следующей итерации, которая пролетит чуть дальше. Сущности не у кого было учиться — она уже была мудрейшим существом во

Вселенной. Поэтому каждую следующую крупницу понимания приходилось выторговывать у мироздания за все бóльшую и бóльшую цену.

Но удивительнее было не то, что она приобрела, а то, что потеряла: понятия о добре и зле. Мораль, культуру, идеологии Сущность оставила в далеком прошлом. Ее решения диктовались единственным правилом: *выжить*. Все остальное было его неизбежным следствием, и не более того.

И одно можно сказать точно: Сущность преуспела в достижении своей цели. Она нашла способ если не победить Черный аттрактор, то, по крайней мере, приостановить его наступление. Как Атлант удерживал на своих плечах небо, так же и Сущность удерживала все живое от гибели. И если однажды ее плечи сломаются под тяжестью этого бремени...

— *Для этого мне и нужен ты, Джон.*

— Но я даже не понимаю, как ты...

— *Поймешь, когда придет время. Спешить некуда.*

Джон медленно поднял взгляд к мерцающим в небе звездам. По его щекам текли слезы, а его рот расплзался в широкой, чуть ассиметричной улыбке.

Правое кресло в кабине его грузовика пустовало.